

**«ОБРЕТЕНИЕ РОДИНЫ».
СРЕДНЯЯ ВОЛГА И ЗАВОЛЖЬЕ В ПРОЦЕССЕ РАЗВИТИЯ
РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ И ГОСУДАРСТВЕННОСТИ
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVI – НАЧАЛО XX В.):
К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ****

В статье рассматривается научная проблема выявления и изучения составляющих сложного и неоднозначного процесса «обретения Родины» на примере Среднего Поволжья. В центре планируемого исследования – характер и особенности социально-экономического, административно-политического и культурного развития Средневолжского региона в составе Российского государства, формирования социокультурного облика и региональной идентичности его населения.

Ключевые слова: Средняя Волга, Заволжье, центр и периферия, фронтир, внутренняя окраина, колонизация, экономика, социум, культура, коронная администрация, историография.

Российская государственность и цивилизация исторически складывалась как общность регионов с различным уровнем социально-экономического развития, уникальным историческим опытом и традициями, гетерогенным этноконфессиональным и социокультурным составом населения. В силу этого особую важность традиционно имела проблема поиска оптимальных моделей интеграции регионов страны, соотношения общероссийских, региональных и этнокультурных ценностей, ментальностей, формирования чувства общности, причастности граждан к судьбе как «большой», так и «малой» Родины.

Решение этой задачи и в наши дни невозможно без обращения к историческому опыту. Современная наука пришла к осознанию необходимости построения многомерных моделей исторического развития, охватывающих обширные регионы на протяжении периодов «большой длительности» (до нескольких веков) и учитывающих взаимовлияние географических, социокультурных, социально-экономических, политических и этноконфессиональных факторов [7; 8]. Такое изучение направлено на выявление ресурсов стабильности и возможных «точек хрупкости» крупных геополитических образований.

Особую актуальность указанная проблематика приобретает в исследовательской работе отечественных историков, поскольку для российских государства и социума фактор освоения новых территорий являлся определяющим на протяжении едва ли

* © Кабытов П.С., Дубман Э.Л., Леонтьева О.Б., 2012

Кабытов Петр Серафимович (kabpetr@samsu.ru), *Дубман Эдуард Лейбович* (dubmane@mail.ru), *Леонтьева Ольга Борисовна* (oleontieva@yandex.ru), кафедра российской истории Самарского государственного университета, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

** Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.В37.21.0004 ««Обретение родины»: Средняя Волга и Заволжье в процессе развития российской цивилизации и государственности (вторая половина XVI – начало XX в.)».

не всего его исторического прошлого, особенно в периоды интенсивной модернизации, перехода от традиционного общества к обществу современному. Этот тезис, впервые в обобщенной форме сформулированный С.М. Соловьевым [52, с. 631], в чеканную, классическую форму облек В.О. Ключевский, заявивший: «История России есть история страны, которая колонизируется». При этом, подчеркивал историк, с каждым новым переселением, под влиянием «физических особенностей новозанятого края» и «новых внешних отношений, какие завязывались на новых местах», изменялись «формы общежития», а народная жизнь получала «особое направление, особый склад и характер» [29, с. 19–20].

Значимость процессов расселения, государственного и хозяйственного освоения огромного пространства Евразии, трансляции цивилизационных моделей и взаимодействия культур в меняющемся мире ни в коем случае нельзя преуменьшать. Процесс медленного, последовательного освоения огромного пространства от границ с Польшей до Урала, а затем Сибири включительно растянулся на несколько столетий, с середины XVI до начала XX века: со времени существования традиционного аграрного общества до эпохи интенсивной капиталистической модернизации. В осваиваемых, колонизирующихся регионах Российского государства складывался новый тип общества, где модели, транслируемые из центра, вступали в сложное и гибкое взаимодействие с местными особенностями и традициями, с потребностями и интересами населения «окраин» [35. Т. 1, с. 19–75].

Именно поэтому историческое становление цивилизационного пространства современной России необходимо исследовать на примере различных ее территорий, с учетом исторических изменений их социокультурного облика и внутриимперского статуса. Исследовательская модель «вызов – ответ» предполагает изучение не только колонизирующего воздействия имперского центра на окраины, но и обратного влияния процессов, разворачивавшихся в провинции, на ситуацию в российской метрополии. Стремление коронной администрации нивелировать процессы, происходившие на окраинах, привести их к единому знаменателю, характерному для «старых» районов страны, и реакция на такую политику населения фронта создавали самые различные модели взаимодействия и взаимовлияния. Они могли осуществляться в разных формах и в отдельных случаях набирать такую энергию «противодействия», что ее реализация способна была буквально разнести существовавшую в тот момент имперскую систему. Подобные кризисы наблюдались в XVII–XVIII вв. (Смутное время, Разинщина, Пугачевщина) [59, с. 188; 38, с. 36–37]. При этом важно учитывать множественность акторов исторического процесса на каждой имперской окраине: государства, его органов и институтов, национальных движений (элитных и массовых), политических и общественных организаций, локальных сообществ и т. д., – исследуя процесс их взаимодействия, выявляя логику и мотивацию их поведения и реакций на обстоятельства и действия других акторов [33, с. 31–32]. Все это позволит определить важнейшие параметры исторического развития региона как *общей родины* его населения; выявить совокупность признаков, свидетельствующих о складывании на его территории целостной социокультурной общности; реконструировать механизм «врастания» региона в общероссийское социальное, экономическое, культурное пространство [25, с. 84–86; 50].

В центре предлагаемого вниманию читателей коллективного исследования – характер и особенности социально-экономического, административно-политического и культурного развития Средней Волги и Заволжья в составе Российского государства; формирование своеобразного демографического, этноконфессионального, социокультурного облика населения региона в контексте развития российской цивилизации.

Основная научная проблема, решаемая в рамках данного проекта, состоит в выявлении и изучении составляющих сложного и неоднозначного процесса «обретения Родины» на примере указанного региона. Под данным термином понимается комплекс взаимосвязанных процессов, изучение каждого из которых составляет самостоятельную исследовательскую задачу:

— влияние природно-географических условий региона на историческое развитие территории в эпохи позднего средневековья и нового времени и степень влияния антропогенного фактора на изменение этих условий;

— государственная политика по включению территории Средней Волги и Заволжья в политическую, экономическую и социокультурную систему отношений формирующейся империи;

— формирование системы местного управления регионом и его административно-территориального деления с учетом их исторической эволюции и меняющегося геополитического контекста; эволюция институтов управления и самоуправления, способов взаимодействия центральных и местных элит;

— колонизационные процессы и важнейшие миграционные потоки на изучаемой территории, специфика складывания полиэтничного и поликонфессионального населения региона, типология и локальные варианты системы сельского и городского расселения;

— развитие сословно-классовой структуры сельского и городского населения в контексте экономического развития колонизируемого региона во второй половине XVI — начале XX в.; правовое и социально-экономическое положение отдельных групп населения, их взаимоотношения друг с другом, а также с центральной и местной властью;

— формирование социальных практик, бытового и хозяйственного поведения, административно-управленческих механизмов и практик самоуправления местного социума; стратегий повседневного поведения в условиях стабильного развития и социально-политических кризисов;

— становление социокультурного облика населения региона в исторической динамике; особенности ментальности, поведенческих стереотипов различных социальных и этноконфессиональных групп жителей Средней Волги и Заволжья; идеология и повседневные практики толерантности;

— формирование региональной идентичности, «мест памяти», осознание социально-психологической и исторической общности на внутрорегиональном и общероссийском уровне, многообразие форм их отражения в региональной культуре, в образовательной политике и научно-просветительской деятельности.

Изучение этих многомерных, неоднозначных, переплетающихся процессов применительно к истории одного из крупных регионов нашей страны способно дать исследователям ключ к пониманию более масштабных — «мир-системных» исторических перемен, разворачивавшихся на имперском или даже континентальном уровне.

Территориальные рамки предлагаемого исследования охватывают обширные пространства Средней Волги и Заволжья как особого региона европейской России. В границах современного административно-территориального деления сюда входят Самарская, Ульяновская, Саратовская области; восточная часть Пензенской, западная — Оренбургской области; юго-восточная (закамская) — Республики Татарстан, юго-западная — Республики Башкортостан; западные (прилегающие к р. Урал) — территории Казахстана.

Поставленная проблема в рамках единого обширного региона, охватывающего Среднее Поволжье и Заволжье как составную часть Юго-Востока Европейской России, в отечественной и зарубежной историографии практически не изучалась. В то же

время анализ литературы последних лет, где, в частности, рассматриваются и проблемы истории данных территорий в составе России, показал, что интерес к региональной тематике и попытки увязать ее с общероссийскими и мировыми проблемами получают новые импульсы. В значительной степени это связано с формированием новой методологии исторических исследований. Так, ключевые социально-экономические проблемы развития российского общества в условиях модернизационных процессов XIX – начала XX века получили освещение в исследованиях Б.Н. Миронова, представляющих несомненный интерес как с концептуальной, так и с методологической точки зрения [35].

Одним из актуальных направлений исторической науки стало изучение истории Российского государства *как империи* – многонациональной и поликультурной целостности. Проблемы гетерогенной структуры Российского государства как континентальной империи, стратегии интеграции имперских окраин в единое политическое, экономическое и социокультурное пространство, неоднозначные взаимоотношения различных этнокультурных групп друг с другом и с властями изучаются в трудах целого ряда исследователей. Такие исследования выполняются на примере различных регионов Российской империи – западных окраин, Северного Кавказа, Центральной Азии, Сибири (С.Н. Абашин, Б.В. Ананьич, И.Л. Бабич, В.О. Бобровников, Л.Е. Горизонтов, М.Д. Долбилов, Г.К. Касьянов, А.И. Миллер, А.В. Ремнев, А.И. Филюшкин и др. [19; 30; 48; 49; 58]). В числе перспективных методологических подходов к изучению империй, предлагаемых современной наукой, – системный подход к империи как к гетерогенной целостности, где событие в одном из регионов могло отозваться целой цепочкой политических последствий на всем имперском пространстве (пример тому – обобщающий труд А. Каппелера [28]); компаративный подход, основанный на сопоставлении эффективности управленческих стратегий различных империй (пример – работы Д. Ливена, А. Рибера, ряд коллективных исследований [31; 43, с. 86–131; 46; 62]); ситуационный подход – изучение политической ситуации в том или ином «спорном пограничье» с учетом сложного переплетения интересов всех взаимодействовавших акторов (преимущества этого подхода обосновываются в монографии А. Миллера [33]).

В национальных образованиях региона (прежде всего, в Республике Татарстан) происходит пересмотр процессов их вхождения и последующего развития в составе России; особенностей государственной, национальной и конфессиональной политики метрополии по отношению к окраинам (С.Х. Алишев, Д.М. Усманова, А.Г. Бахтин, Д.М. Исхаков, Р.Ф. Галлямов, Г.Н. Айплатов, А.Б. Юнусова и др. [1; 6; 22; 42; 60]). В областных центрах, прежде всего в Самаре, Саратове и Ульяновске, в последние годы изданы обобщающие монографии, авторы которых вводят в научный оборот широкий круг архивных источников, используют новые концептуальные подходы в изучении Поволжского региона Европейской России, дают оригинальную трактовку взаимоотношений центра и провинции (А.Н. Зорин, П.И. Савельев, Ю.Н. Смирнов, Л.М. Артамонова, Э.Л. Дубман, Н.Ф. Тагирова, М.В. Булычев и др. [2; 9; 16; 21; 47; 51]). В этом плане новейшие исследования российских историков смыкаются с работами зарубежных авторов, также ставящих вопрос о специфическом развитии регионов России и в частности ее европейского Юго-Востока в имперский период.

Изучение зарубежной историографии позволяет сделать вывод о том, что в обобщающих изданиях по истории России, а также в трудах по истории отдельных регионов Российской империи можно выявить оригинальные характеристики взаимоотношений центра и местных сообществ, асимметричности административно-политических структур империи, тенденций территориальной экспансии, опыта управления колонизируемыми пространствами (А. Каппелер, Дж. Хоскинг, А. Рибер, С. Беккер, М. фон Хаген, Р. Суни и др. [28; 43; 44, с. 94–145; 45, с. 18–47; 53, с. 9–18; 57; 61,

р. 329–342]). Появились также работы зарубежных исследователей, непосредственно посвященные различным аспектам истории Среднего Поволжья и Южного Приуралья — в основном межэтническим и межконфессиональным отношениям, а также религиозной политике имперских властей в регионе (Р. Джераси, А.С. Доннелли, П. Верт, К. Маццато, А. Кефели-Клай и др. [13; 36; 45, с. 539–569; 63; 65]).

Важное методологическое значение для изучения рассматриваемой проблемы имеет также концепция фронта (пограничной, колонизируемой территории с подвижными границами и полиэтничным составом населения), предложенная еще в XIX в. американским исследователем Д. Тернером [55] и успешно используемая в настоящее время как отечественными, так и зарубежными исследователями при изучении колонизационных процессов в истории Российской империи в целом (А. Рибер), а также на Северном Кавказе (Т. Барретт, Д.И. Олейников), в Сибири (А.В. Ремнев), в Северном Казахстане, Приуралье и Южной Сибири (М. Ходарковский) и др. [5; 39, с. 69–88; 44, с. 94–145; 49; 64].

Дополнительные методологические аспекты изучения рассматриваемой проблемы можно почерпнуть в появившихся за последние два десятилетия исследованиях по истории идентичности, репрезентаций и саморепрезентаций обитателей Российской империи (А.Л. Зорин, Л. Вульф, Е.А. Вишленкова и др. [10; 11; 20]). Указанные исследования связаны общностью подхода. Коллективная идентичность (национальная, имперская, региональная и др.) понимается в них не как изначальная данность, но как нечто формируемое, как результат интенсивного и многопланового творчества многих акторов (власти, элит, интеллигенции). В центре этих исследований — процесс поиска инструментов коллективной мобилизации, воспитания в обществе чувства групповой солидарности: через дискурсы и политические практики, через выстраивание «образа себя» и «образа Другого», формирование структур идентичности.

Существенный опыт изучения истории Среднего Поволжья накоплен к настоящему времени региональными историками. Особое внимание в исторических исследованиях уделялось развитию региона после вхождения его в состав России. Детально изучены процесс хозяйственной колонизации Поволжья, экономической деятельности на его территории государства, дворцового ведомства, церкви и купечества во второй половине XVI — начале XVIII в., специфика промыслового предпринимательства; деятельность государства и общества в освоении Заволжья в 1730-х гг. — середине XIX в., процесс создания новых укрепленных линий, формирования помещичьего землевладения и крестьянской колонизации. Исследован ход становления и развития государственно-административного аппарата, изменения характера его деятельности, переход от военно-административных методов управления к общегражданским. Выявлены направления и интенсивность миграционных процессов на территории региона, формирование ареала его постоянного земледельческого населения, исторические особенности складывания полиэтничного и поликонфессионального населения края [14, с. 26–28; 15; 16; 17].

Монографическому изучению подвергнут процесс формирования в XVIII — середине XIX в. административно-территориальной системы в регионе, воссоздания здесь социально-экономических отношений, характерных для центральных районов страны, но со специфическими особенностями вновь осваиваемого края. Детально изучены причины, ход и последствия социальных конфликтов в регионе. Исследована правительственная политика в области развития народного образования в крае начиная с XVIII в., специфика взаимоотношений между властью и обществом в сфере просвещения местного населения, подготовки образованных кадров [2; 51].

Изучено становление на территории Заволжья крупнейшего в России центра товарного зернового производства во второй половине XIX — начале XX в.; выявлена

типология капиталистических отношений, складывавшихся в сельском хозяйстве в этот период, специфика эволюции помещичьего и крестьянского хозяйства, особенности формирования рынка; важнейшие характеристики реформирования социально-экономических отношений в поволжской деревне в ходе Великих реформ середины XIX в. и столыпинских преобразований начала XX в. По материалам Среднего Поволжья исследована эволюция форм взаимодействия власти и общества в пореформенную эпоху, социальная структура пореформенного города и деревни, деятельность органов земского и городского самоуправления; практики социального поведения дворянства, мещанства и других сословий провинциального общества, история городской повседневности XIX – первой половины XX в. Выявлен характер социальных и политических процессов в регионе в эпоху русских революций 1905 и 1917 гг., особенности хода гражданской войны в крае, массовых крестьянских восстаний [4; 24; 26; 27; 40; 56]. На основе изучения исторического развития Поволжья предложено ключевое концептуальное положение – «*внутренняя окраина*» России. Исследователи исходят из того факта, что в течение XVI – начала XX в. шел непрерывный процесс интеграции региона в общероссийское политическое, социально-экономическое и культурное пространство. Одновременно, с начала XVIII в., регион становится важным плацдармом для территориальной экспансии России далее на восток и юго-восток, что придавало определенную двойственность экономическому, социальному, политическому и культурному развитию огромного края, его положению в составе России (П.С. Кабытов, В.Н. Данилов, Э.Л. Дубман и др. [18; 40; 41]).

Изучение современной историографии проблемы позволяет сделать вывод, что именно в настоящее время у историков появилась возможность обобщить накопленные данные и подготовить масштабное исследование, посвященное процессам исторического складывания Средневолжского региона в составе Российского государства, формирования уникального социокультурного облика его населения, специфике социально-психологических процессов «обретения Родины» и формирования региональной идентичности в Среднем Поволжье.

Сущностные особенности территорий, объединяемых данным понятием, на наш взгляд, состоят в том, что этот регион можно охарактеризовать как пространство особого типа – «*внутреннюю окраину*» России. Этот термин (предложенный П.С. Кабытовым и Э.Л. Дубманом во время совещания в Институте «Открытое общество», на котором было принято решение о подготовке учебных пособий по истории Российской империи) нуждается в некоторых методологических пояснениях.

Как известно, в историографии Российской империи довольно редко используются термины «*колония*» и «*метрополия*»; это объясняется несколькими причинами как научного, так и идеологического толка. Во-первых, в пределах континентальной империи, при отсутствии ярко выраженных географических барьеров, в отличие от империй морских, трудно провести четкую демаркационную линию между метрополией и колонией. Во-вторых, при существенной неравномерности экономического развития имперских территорий зачастую довольно сложно определить, кто был объектом, а кто – субъектом колониальной эксплуатации. Как показывают, например, исследования Б.В. Ананьича и Е.А. Правиловой, «цена империи» (т. е. расходы на присоединение, освоение и удержание новых территорий) зачастую оказывалась выше, чем доходы от пресловутого «ограбления колоний» [46, с. 230–260]. Наконец, сами термины «*колония*» и «*метрополия*» несут сильный идеологический отпечаток, вызывая представление о заведомо репрессивном характере отношений между ними, тогда как на практике эти отношения были гораздо более сложными и неоднозначными. Как правило, в современной литературе применительно к континентальным империям (в том числе и к Российской) предпочитают использовать термины «*центр*» и

«окраины», «ядро» и «периферия» или же нейтральные понятия «регионы» и «области» [7. Т. 3, с. 18, 48–49; 28, с. 12; 46, с. 26–27].

Но чем же считать Среднее Поволжье: частью «имперского ядра» или одной из «имперских окраин»? Как представляется, однозначный ответ на этот вопрос дать трудно.

Своеобразие данного региона и особая актуальность его изучения для исторической науки состоит в том, что формирование его населения, социокультурного облика и региональной идентичности имело существенные особенности. Вся территория Среднего и Нижнего Поволжья, а также Южного Приуралья окончательно была закреплена под российской юрисдикцией в течение второй половины XVI — первой половины XVIII в. Однако социально-экономическое освоение края, формирование на его пространстве постоянного сельского и городского населения, складывание административной системы было гораздо более долгим делом.

С середины XVI в. расселение по всей территории «вмещающего ландшафта» для различных сословий российского общества происходило в условиях постоянного преодоления воздействия внешних сил и, прежде всего, кочевых образований, интенсивного взаимодействия различных этноконфессиональных групп в ходе совместной экономической и культурной деятельности. На том этапе истории Средневожский регион может быть охарактеризован как один из *фронтиров* Российского государства. Развивая подход классика американской историографии Д. Тернера, современные историки понимают под фронтиром постоянно расширяющуюся приграничную, порубежную зону, где происходит интенсивная внутренняя и внешняя миграция большого числа населения, образование новых сообществ и отказ от старых, активное изменение окружающей среды, а также «пограничный обмен» между этнокультурными группами, включающий помимо торговли разнообразные формы межкультурных взаимодействий [5, с. 163–194].

В течение второй половины XVI — первой половины XVIII в. Среднее Поволжье было фронтиром Российского государства, обращенным на восток, к кочевому степному миру — ногайцам, башкирам, калмыкам. Государство, отражая набеги степняков, в то же время стремилось вовлечь их в орбиту своего влияния — через договорные отношения, клятвы подданства, признание прав кочевников на земли и принятие их на военную службу; наконец, через игру на сложных внутренних противоречиях между самими кочевыми соседями. Фронтир, пролежавший между оседлым и кочевым мирами, был отмечен вначале пунктиром крепостей (Уфа, Самара, Саратов, Царицын и др.), а затем, с середины XVII в., — тянувшимися на много верст засечными линиями, которые должны были обеспечить не только оборону, но и дальнейшее движение государства на юго-восточную окраину «Дикого Поля». Своеобразным «буфером» между «государевыми людьми» и кочевниками являлись сообщества казачьей вольницы — донское, яицкое и другие; однако их взаимоотношения с государством также были далеко не беспроблемными. Только в первой половине XVIII в. правительство установило контроль над всей территорией Среднего Поволжья и Заволжья, над казачеством и кочевниками; это означало, что край в политическом отношении стал внутренним районом Российского государства.

Следует особо отметить активную деятельность государства не только в военно-административном закреплении за Россией новоприсоединенных земель, но и в сфере хозяйственного освоения края. Вывод Л.В. Милова о том, что «характернейшей особенностью российской государственности являются ее хозяйственно-экономические функции» [34, с. 561], представляется необычайно актуальным для изучения процессов, происходивших на юго-востоке страны. Все пространство региона к югу от Камы являлось крупнейшим в России центром добычи и поставок в центр цен-

нейших сортов рыбы, рыбопродуктов и соли. Правительство не ограничивалось положением пассивного регистратора владельческих прав на промысловые угодья и пахотные земли; оно играло чрезвычайно высокую роль в регуляции экономических отношений. Нередко местные власти занимались созданием собственных государственных или руководством родственных им дворцовых предприятий. Дворцовое ведомство, патриаршая кафедра, привилегированные купеческие корпорации стали главными акторами постепенного превращения края во внутренний российский регион. В то же время вотчинное землевладение крупных собственников здесь было развито слабо и аграрное освоение региона заметно отставало от промышленного.

С середины 1730-х гг. началось интенсивное военное, государственно-административное и экономическое освоение левобережного Заволжья в рамках вновь образованной Оренбургской губернии. На ее территории получило преимущественное развитие аграрное производство. Однако энергичное наступление империи на территории и права казаков и кочевников вызвало отпор со стороны тех и других – конфликты легко вспыхивали, как только государство затрагивало дарованные ранее привилегии или требовало от казаков возврата беглых. Окраины, лишь в малой степени подконтрольные центральной власти, были притягательны не только для беглых, но и для религиозных диссидентов – старообрядцев; регион, аккумулировавший самые разные проявления социального недовольства, легко становился горючим материалом для всевозможных противоправительственных слухов и настроений, для самозванства и восстаний. Эти сюжеты были предметом пристального изучения советской историографии.

Восстание под предводительством Емельяна Пугачева наглядно показало империи уязвимость ее фронта: громадная территория удерживалась незначительными силами (все мы помним колоритное пушкинское описание гарнизона Белогорской крепости в «Капитанской дочке»). Не случайно реформы Екатерины II были направлены на унификацию имперского управления на окраинах и на обеспечение лояльности пограничных сообществ (в том числе казаков и башкир) самыми разнообразными методами: от репрессий по отношению к непокорным до поворота к религиозной толерантности и сотрудничеству с местными элитами, к принятию их на военную службу. В то же время аграрная политика Екатерины II в регионе: Генеральное межевание, раздача земель дворянам, создание крупного вотчинного землевладения в лесостепной полосе Поволжья, – имела своим следствием трансляцию на имперскую окраину социальных отношений, типичных для центра страны.

К середине XIX в. имперская политика в Заволжье утратила военные и внешнеполитические функции. Средневожский регион из фронта вдоль юго-восточной границы превращался в своеобразную «внутреннюю окраину» России, обладавшую чертами пограничья и одновременно внутренних территорий империи. С одной стороны, появились новые районы для интенсивной колонизации, что обусловило передвижение фронта империи дальше в юго-восточном направлении; Поволжье становится важным плацдармом для дальнейшего активного продвижения Российской империи на юг и юго-восток: в степной регион, Сибирь, а затем – и в Среднюю Азию. С другой стороны, в Заволжье и Южном Приуралье длительное время сохранялся огромный массив свободных земель, чем объясняется постоянный приток мигрантов в данный регион. Вольная колонизация края разворачивалась параллельно с проведением правительственной политики, направленной на заселение свободного земельного фонда такими группами мигрантов, различными в этническом, конфессиональном и социальном отношениях, в чьей лояльности власть была уверена (например, немецких колонистов). Это привело к кардинальному изменению места и роли Среднего Поволжья и Заволжья в составе империи: регион превращается в транзит-

ный, промежуточный между центром и периферией.

Изменению статуса региона способствовало и само переселенческое движение, прямыми результатами которого стали развитие земледелия, укоренение на основной территории региона русского крестьянского хозяйства и помещичьего землевладения. Переселяясь на новые места, поселенцы воспроизводили привычные для них формы общежития, самоуправления, ведения хозяйства: например сельскую общину. Порой на новые места переносились даже старые, привычные названия: среди топонимов Самарской губернии есть, к примеру, такие названия селений, как Украинка, Пензено, Новокуровка, Новотулка, Большая Рязань и некоторые другие [3, с. 55]. В результате всех этих процессов к концу XIX в. в крае сложилась социальная и хозяйственная структура, аналогичная структуре деревни центральной европейской части страны.

Однако регион сохранял свои особенности, определяемые не только географическим и природным факторами, но и специфической этнокультурной средой. Важной особенностью сельской колонизации Поволжья было то, что заселение русскими лесостепной полосы шло без вытеснения коренного населения края; достаточно типичным явлением стало появление смешанных поселений, когда одна половина деревни могла быть, например, мордовской или татарской, другая – русской и т. п. И наоборот: развитие земледелия в степном Поволжье и Приуралье шло за счет сокращения землевладения и кочевого хозяйства кочевых народов, прежде всего башкир и калмыков. Когда необходимость в иррегулярной военной охране приграничных территорий отпала, земли кочевых народов из военного ведомства были переданы в распоряжение Министерства государственных имуществ, которое стало активно передавать их переселенцам из центральных регионов страны. Массовая раздача и распродажа переселенцам дешевых башкирских земель на Южном Урале, колоритно описанная в рассказе Льва Толстого «Много ли человеку земли нужно», и соответствующая политика Министерства государственных имуществ привели к полному изменению экологической и этнокультурной ситуации в регионе: к началу XX в. большинство башкир из-за недостатка земли для ведения кочевого хозяйства вынужденно перешло от скотоводства к земледелию.

И все же когда мы смотрим на этот регион второй половины XIX в. и даже начала XX в., то отчетливо осознаем: он и тогда продолжал оставаться внутренней окраиной империи. До эпохи Великих реформ Александра II здесь крайне слабо была развита инфраструктура: путями сообщения служили скотопрогонные тракты (впоследствии именно они стали основой для строительства шоссе), речное судоходство обеспечивали баржи и суда исключительно на парусном ходу или на примитивной бурлацкой тяге. Местная администрация практически не оказывала влияния на развитие экономического потенциала региона: механизмы, которые позволили бы ускорить процесс освоения его ресурсов, были еще не найдены, и до поры до времени в сфере экономики преобладали стихийно складывавшиеся отношения. Лишь с возникновением гражданской администрации, удельного ведомства (в регионе действовали Казанская, Симбирская, Саратовская, Оренбургская удельные конторы) воздействие государства на общественно-экономическую жизнь становится более явным.

Процессы модернизации, развернувшиеся в регионе в эпоху Великих реформ, затронули прежде всего инфраструктуру. Поволжье покрылось сетью железных дорог, что приблизило его к промышленным центрам; появились телеграф, телефон, речное пароходство, финансовая и банковская системы. Железные дороги дали мощный импульс формированию пространства хлебного рынка Поволжья и интенсифицировали связи региона с другими частями империи: это открывало колоссальные перспективы для развития в крае товарного производства зерна. Стремительными

темпами шло освоение земельных массивов; регион стал новой российской житницей, вбрасывавшей колоссальную массу пшеницы не только на внутренний, но и на внешний рынок. Строились элеваторы и холодильники, усилиями земской интеллигенции создавались агрономические и ветеринарные участки... Развитие инфраструктуры региона привело и к изменению уровня жизни и запросов его жителей: в провинции возникали «культурные гнезда» самого разного уровня – от «народных университетов» до любительских сельских театров. Через постоянный обмен ресурсами, товарами, капиталами Среднее Поволжье и Заволжье включились в многосторонний экономический механизм Российской империи, став его неотъемлемой составной частью.

Однако Поволжье все же продолжало оставаться окраинным регионом, и это было заметно по многим показателям: прежде всего по темпам развития образования и культуры. Только в Казани, образовательном центре Поволжья, действовали университет, основанный еще при Александре I, ветеринарный институт, духовная академия; в Саратове первым высшим учебным заведением стал сельскохозяйственный институт, а университет в составе одного факультета (медицинского) был создан только в 1909 г. И это тоже было показателем провинциальности, того факта, что Поволжье очень слабо включалось в процесс социокультурного развития имперского «ядра».

Обращаясь к изучению аграрной и промышленной истории, мы так или иначе видим, что и аграрный сектор очень медленно включался в модернизационный процесс. С одной стороны, прогресс был налицо: с каждым годом росли посевы пшеницы и ячменя – «белых» хлебов, предпринимались попытки отказаться от трехполья. Внедрялись технические культуры: так, немцы-колонисты в Саратовской и Самарской губерниях стали инициаторами разведения горчицы и табака, волжский городок Сарепта, где производилось горчичное масло, заслужил репутацию «горчичного края», а в 1840-е годы там же состоялась первая на Нижней Волге посадка картофеля (не только «второго хлеба», но и сырья для производства спирта). Но, с другой стороны, в основном развитие сельского хозяйства в регионе шло сугубо экстенсивным путем, через распашку плодородных степных земель.

И в промышленном отношении Поволжье до конца XIX в. числилось среди слабо развитых регионов. Существовавшие здесь промышленные предприятия в основном специализировались на переработке сельскохозяйственной продукции: салотопенные заводы, мукомольни, маслобойни и т. д. Мощные заводы появляются вслед за Сортовским (основан в сер. XIX в.) только в начале XX в., в связи с подготовкой к Первой мировой войне: трубочный завод в Самаре, Сергиевский завод взрывчатых веществ, сталелитейный завод в Царицыне... Но все эти предприятия создавались не благодаря частной инициативе, а за государственный счет, это было казенное производство. Развитие нефтеперерабатывающей и металлургической промышленности Поволжья было еще впереди – ее черед наступит после революции 1917 года, когда она будет обеспечивать потребности Советского государства с его вынужденно автаркической экономической политикой. Сам факт, что Поволжье в начале XX в. кормило всю страну своим хлебом, уже говорит о том, что это все еще был аграрный регион.

Особое значение в историческом развитии Поволжья на всех его этапах имело этническое разнообразие региона. Русские активно заселяли данную территорию со времени ее вхождения в состав Российского государства; но особенно интенсивным этот процесс благодаря правительственной поддержке стал в имперский период. На севере региона проживали оседлые коренные народы – татары, удмурты, марийцы, мордва, чуваша и кочевники-башкиры. На юге находились кочевые сообщества кал-

мыков и казахов, пришедших сюда в XVII – начале XIX в. Имперская политика заселения окраины привлекла в Поволжье украинский и немецкий компонент. Поволжье и Приуралье представляли уникальный для страны регион, где встретились три мировые религии – христианство, ислам и буддизм. Таким образом, наличие множества народов с разным этнокультурным обликом и цивилизационной ориентацией превращало регион в своеобразную модель всей России как неоднородного, сегментарного сообщества.

В силу этого Поволжье и Приуралье требовали выработки особой, взвешенной политики имперского центра: любая ошибка могла в конечном итоге дорого обойтись государству. Регион пережил времена жестоко подавлявшихся кровопролитных восстаний и сотрудничества имперского центра с местными элитами; религиозной дискриминации, насильственных крещений и толерантной политики «просвещенного абсолютизма». Апробированные здесь методы административного и экономического управления, религиозной политики, культурной интеграции впоследствии нередко применялись в других районах империи. Однако были и ситуации, когда особые политические стратегии вырабатывались специально для Поволжья (пример тому – знаменитая «система Ильминского», рассчитанная на приобщение коренных народов к православию через систему начального народного образования, которая применялась только на восточных окраинах империи и никогда – на западных).

Неоднозначным был и процесс формирования региональной идентичности, как и образа Поволжья на ментальных картах империи. Как отмечают исследователи, еще в первой половине XIX в. в общественном сознании «ядром» (центром) империи представлялось внутреннее пространство, тяготеющее к Москве, которое географически ограничивали города Нижний Новгород, Воронеж, Смоленск, Вологда. Лежавшие восточнее этого «ядра» Поволжье, Заволжье, Урал и Сибирь воспринимались как далекая и часто непознанная периферия [12, с. 129; 41, с. 241]. Понадобилось время, чтобы в конце XIX в., в 1885 г., известный историк литературы А.Н. Пыпин назвал Волгу одним из «основных, наиболее характерных пунктов», где можно «составить себе живое представление о русской природе и народности» [33, с. 217]: длительный, многовековой процесс колонизации привел к тому, что Поволжье стало восприниматься как естественная и неотъемлемая часть русской национальной территории. В то же время, и это важно отметить, имперская политика в Поволжье предполагала не подавление, а упрочение идентичностей малых народов ради борьбы с их возможной исламизацией, которая воспринималась как угроза имперскому единству [33, с. 238–240].

Таким образом, к концу XIX – началу XX столетия регион стал своеобразным «котлом», где происходило интенсивное складывание новой социокультурной общности с особым хозяйственным, бытовым и культурным укладом, со своей региональной идентичностью и сознанием общности исторических корней.

На основании обзора историографии и общей характеристики развития Среднего Поволжья мы вправе сформулировать предварительную гипотезу нашего исследования, заключающуюся в том, что изучаемый регион представлял собой пространство особого типа – «внутреннюю окраину» России, ставшую общей Родиной для различных социальных и этнических групп населения, мигрировавших и расселявшихся в регионе на разных исторических этапах.

В предлагаемом исследовании на уникальном историческом материале «внутренней окраины» в хронологических рамках, охватывающих несколько столетий, будет проверена и уточнена концепция фронта как зоны пограничного взаимодействия различных сообществ, в процессе которого изменяются сами участники взаимодействия. Будет прослежена историческая судьба фронта, причины, ход и последствия его встраивания в систему цивилизационных взаимосвязей, превращения во «внутрен-

нюю окраину» России, сохраняющую специфический состав населения и своеобразную региональную идентичность. Таким образом, концепция «обретения Родины» как особого, целостного процесса, обладающего региональной и исторической спецификой, будет верифицирована на методологическом уровне и наполнена конкретно-историческим содержанием.

Данное исследование предполагает использование совокупности таких методов исторического исследования, как историко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический, историко-системный, историко-картографический, а также методов герменевтического, статистического и клиометрического анализа, исторического моделирования и других. Вместе с тем, поскольку предлагаемая тема научного исследования имеет комплексный междисциплинарный характер, при проведении работы широко будут использоваться методики и приемы, применяемые в других гуманитарных дисциплинах: социологии, психологии, этнологии, статистике, исторической антропологии и культурологии.

Для создания максимально репрезентативной источниковой базы исследования, выявления совокупности источников по данной проблематике и определения их информационного потенциала необходимо использование современных источниковедческих методов и методик архивных исследований, в частности *фронтального изучения* ряда фондов и коллекций отдельных центральных и местных архивохранилищ (что обусловлено крайней скудостью делопроизводственных материалов приказа Казанского дворца, учреждений Казанской и Астраханской губерний первых десятилетий XVIII в.). Особую значимость приобретает использование *герменевтических приемов работы с текстом* исторического источника с учетом обстоятельств времени и места его появления, авторских характеристик, выявления степени объективности информации. Необходимо обращение к количественным методам исследования массовых документов: создание *баз данных* (при необходимости — формализация и унификация количественных данных), применение *контент-анализа*, корреляционного анализа и других методов *статистической группировки*.

При изучении хода заселения региона и взаимодействия миграционных потоков предполагается использование методов *исторической картографии, исторической демографии, этнологии, статистического анализа*.

Для изучения социальных и социокультурных процессов в регионе необходимо применение *статистических и клиометрических методов* исследования, в частности, составление *временных рядов, многомерных группировок* данных; а также использование методов современных экономических исследований для изучения *экономической конъюнктуры* на региональном уровне, особенностей формирования рыночных отношений.

Изучение социальной стратификации населения и ее эволюции предполагает не только применение традиционных исторических и статистических методов, но и введение в исследование *культурно-антропологического измерения: реконструкцию поведенческих практик, структур повседневности, «воображаемой географии», ментальных стереотипов, системных подходов «свой — чужой»*, свойственных людям изучаемого периода и региона.

Наконец, при исследовании кризисных, переломных моментов, «разрывов постепенности» в истории региона особое значение приобретают *методы социальной психологии*, в частности, исследование *особенностей массового поведения, психологии катастроф*, а также изучение *практик выживания, посттравматического поведения* и особенностей формирования *исторической памяти о травмирующих событиях прошлого*.

Совокупность этих методов позволит осуществить *историческое моделирование*, цель которого — создание многомерной в хронологическом, территориальном и соци-

окультурном аспектах модели колонизации региона, обобщенных социокультурных портретов переселенцев и жителей края, характерных для той или иной эпохи структур региональной идентичности.

Методологические подходы, разработанные и апробированные в ходе планируемого исследования, можно будет использовать для изучения других российских регионов, которые выступали в качестве объекта колонизирующего воздействия и одновременно – сферы взаимодействия различных этноконфессиональных и социокультурных групп (север Европейской России, Урал, Сибирь и др.), а также для изучения процессов внутренней колонизации и становления региональной идентичности на материалах различных континентальных стран нового времени (США, Канада и др.).

Библиографический список

1. Алишев С.Х. Исторические судьбы народов Среднего Поволжья XVI – начала XIX в. М.: Наука, 1990. 270 с.
2. Артамонова Л.М. Общество, власть и просвещение в русской провинции XVIII – начала XIX в. Самара: Изд-во Самарского научного центра РАН, 2001. 392 с.
3. Барашков В.Ф., Дубман Э.Л., Смирнов Ю.Н. Самарская топонимика. Самара: Изд-во «Самарский университет», 1996. 192 с.
4. Баринова Е.П. Российское дворянство в начале XX века: экономический статус и социокультурный облик. М.: РОССПЭН, 2008. 351 с.
5. Барретт Т.М. Линии неопределенности: северо-кавказский «фронт» России // Американская русистика: вехи историографии последних лет. Императорский период. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2000.
6. Бахтин А.Г. XV–XVI века в истории Марийского края. Йошкар-Ола: Марийский государственный университет, 1998. 252 с.
7. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.: в 3 т. / пер. с франц. М.: Весь мир, 2006.
8. Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II: в 3 ч. / пер. с франц. М.: Языки славянской культуры, 2002–2004.
9. Булычев М.В. Крестьянская колонизация Саратовского края в конце XVIII – первой половине XIX века и ее последствия. Саратов: Издательство Саратовского университета, 2004. 80 с.
10. Вишленкова Е.А. Визуальное народоведение империи, или «Увидеть русского дано не каждому». М.: Новое литературное обозрение, 2011. 384 с.
11. Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М.: Новое литературное обозрение, 2003. 560 с.
12. Горизонтов Л.Е. «Большая русская нация» в имперской и региональной стратегии самодержавия // Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности / под науч. ред. Б.В. Ананьич, С.И. Барзилова. М.: Моск. обществ. науч. фонд, 2001.
13. Доннелли А.С. Завоевание Башкирии Россией. 1552–1740. Уфа: Башкортостан, 1995. 288 с.
14. Дубман Э.Л. Источниковедческие аспекты изучения миграционных и демографических процессов на территории Южного Средневожья в XVII в. // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы X–XXI вв. Источники и методы исследования: XXXII сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы: тезисы докладов и сообщений. Рязань, 21–24 сентября 2010 г. М., 2010.
15. Дубман Э.Л. Новая Закамская линия: судьба, проект, строительство. Самара: Издательство «Самарский университет», 2005. 196 с.
16. Дубман Э.Л. Промышленное предпринимательство и освоение Понизового Поволжья в конце XVI – XVII в. Самара: Издательство «Самарский университет», 1999. 216 с.

17. Дубман Э.Л. Хозяйственное освоение Среднего Поволжья в XVII веке: по материалам церковно-монастырских владений: учебное пособие. Куйбышев: Куйбышевский университет, 1991. 90 с.
18. Дубман Э.Л., Кабытов П.С., Тагирова Н.Ф. Очерки истории Юго-Востока Европейской России / под ред. П.С. Кабытова. Самара: Изд-во СамГПУ, 2004. 294 с.
19. Западные окраины Российской империи / сост. и ред. М. Долбилов, А. Миллер. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 608 с.
20. Зорин А.Г. Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 416 с.
21. Зорин А.Н. Города и посады дореволюционного Поволжья: историко-этнографическое исследование населения и поселенческой структуры городов российской провинции второй половины XVI – начала XX в. Казань: Издательство Казанского университета, 2001. 704 с.
22. Исхаков Д.М. Тюрко-татарские государства XV–XVI вв. Казань: Татарское книжное издательство, 2009. 142 с.
23. Кабытов П.С. Русское крестьянство в начале XX века. Куйбышев: Издательство Саратовского университета, Куйбышевский филиал, 1990. 145 с.
24. Самарское земство: опыт практической деятельности (1865–1918 гг.) / П.С. Кабытов [и др.]. Самара: Самарская губернская дума, 2009. 368 с.
25. Кабытов П.С., Дубман Э.Л. Среднее Поволжье и проблемы национальных отношений // Регионоведение. 1993. № 2.
26. Кабытов П.С., Курсков Н.А. Вторая русская революция: борьба за демократию на Средней Волге в исследованиях, документах и материалах (1917–1918 гг.). Изд. 2-е, исправл. и дополн. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2004. 308 с.
27. Кабытова Н.Н. Власть и общество в российской провинции: 1917 год в Поволжье. Самара: Изд-во «Самарский университет», 1999. 260 с.
28. Каппелер А. Россия – многонациональная империя: возникновение, история, распад / пер. с нем. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 344 с.
29. Ключевский В.О. Русская история: полный курс лекций: в 3 кн. М.: Мысль, 1993. Кн. 1. 572 с.
30. Кушко А., Таки В. (при участии Грома О.). Бессарабия в составе Российской империи (1812–1917). М.: Новое литературное обозрение, 2012. 400 с.
31. Ливен Д. Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней / пер. с англ. М.: Европа, 2007. 688 с.
32. Материалы по истории татарского народа. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АНТ, 1995. 496 с.
33. Миллер А.И. Империя Романовых и национализм: эссе по методологии исторического исследования. Изд. 2, испр. и доп. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 320 с.
34. Милос Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. 576 с.
35. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. 3-е изд., испр., доп. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003.
36. Новая волна в изучении этнополитической истории Волго-Уральского региона: сб. ст. / под ред. К. Мацузато. Sapporo: Slavic Research Center, Hokkaido University, 2003. 335 с.
37. Новая имперская история постсоветского пространства: сб. ст. / И.В. Герасимов [и др.]. Казань: Центр исследований национализма и империи, 2004. 656 с. Библиотека журнала «Ab Imperio».
38. Нольте Г.-Г. Русские «крестьянские войны» как восстания окраин // Вопросы истории. 1994. № 11.

39. Олейников Д.И. Россия в Кавказской войне: поиски понимания // Россия и Кавказ сквозь два столетия: сб. стат. / под ред. Г.Г. Лисицыной и Я.А. Гордина. СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2001. 416 с.
40. Очерки истории Поволжья и Приуралья в имперский период / под ред. В.Н. Данилова и П.С. Кабытова. Саратов: Наука, 2010. 356 с.
41. Поволжье – «внутренняя окраина» России: государство и общество в освоении новых территорий (конец XVI – начало XX в.) / под ред. Э.Л. Дубмана, П.С. Кабытова. Самара: Самар. отд-ние Литфонда, 2007. 328 с.
42. Рахматуллин У.Х. Население Башкирии в XVII–XVIII вв. Вопросы формирования небашкирского населения. М.: Наука, 1988. 186 с.
43. Рибер А. Изучая империи // Исторические записки. М.: Наука, 2003. Т. 6 (124).
44. Рибер А. Устойчивые факторы российской внешней политики: попытка интерпретации // Американская русистика: веки историографии последних лет: антология. Советский период. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2000.
45. Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: антология / сост. П. Верт, П.С. Кабытов, А.И. Миллер. М.: Новое издательство, 2005. 696 с.
46. Российская империя в сравнительной перспективе: сб. ст. / под ред. А.И. Миллера. М.: Новое издательство, 2004. 384 с.
47. Савельев П.И. Пути аграрного капитализма в России. XIX век (по материалам Поволжья). Самара: Изд-во «Самарский университет», 1994. 359 с.
48. Северный Кавказ в составе Российской империи / сост. и ред. В.О. Бобровников, И.Л. Бабич. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 460 с. Сер. «Окраины Российской империи».
49. Сибирь в составе Российской империи / сост. и ред. Л.М. Дамешек, А.В. Ремнев. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 368 с.
50. Смирнов Ю.Н. Народ и власть в освоении Российского Заволжья: XVIII – середина XIX в.: дис. ... док. ист. наук. Москва, 1999. 539 с.
51. Смирнов Ю.Н. Оренбургская экспедиция (комиссия) и присоединение Заволжья к России. Самара: Изд-во «Самарский университет», 1997. 190 с.
52. Соловьев С.М. Сочинения: в 18 кн. М.: Мысль, 1988. Кн. 2. 765 с.
53. Суни Р. Империя как она есть: имперская Россия, «национальное» самосознание и теории империи // *Ab Imperio*. 2001. № 1–2.
54. Тагирова Н.Ф. Рынок Поволжья (вторая половина XIX – начало XX в.) М.: Изд. центр науч. и учеб. программ, 1999. 308 с.
55. Тернер Ф.Д. Фронт в американской истории. М.: Весь мир, 2009. 304 с.
56. Тюрин В.А. Власть и городское самоуправление в Среднем Поволжье: опыт взаимодействия на рубеже XIX–XX веков. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2007. 202 с.
57. Хоскинг Дж. Россия: народ и империя (1552–1917) / пер. с англ. Смоленск: Русич, 2000. 512 с.
58. Центральная Азия в составе Российской империи / отв. ред. С.Н. Абашин, Д.Ю. Арапов, Н.Е. Бекмаханова. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 464 с.
59. Эйдельман Н.Я. Из потаенной истории России XVIII–XIX веков. М.: Высшая школа, 1993. 492 с.
60. Юнусова А.Б. Ислам в Башкортостане. Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 1999. 352 с.
61. Becker, Seymour. Russia and the concept of empire // *Ab Imperio*. 2000. № 3–4.
62. *Imperial Rule* / A. Miller, A.J. Rieber, eds. Budapest; New York: Central European University Press, 2004. 212 p.
63. Gerasi R. P. Window on East: National and Imperial Identities in Late Tsarist Russia. Ithaca and London: Cornell University Press, 2001. 389 p.

64. Khodarkovsky M. Russia's Steppe Frontier. The Making of a Colonial Empire, 1500–1800. Bloomington–Indianapolis, Indiana University Press, 2004. 304 p.

65. Werth P.W. At the Margins of Orthodoxy: Mission, Governance and Confessional Politics in Russia's Volgo-Kama Region, 1827–1905. Ithaca and London: Cornell University Press, 2001. 304 p.

*P.S. Kabytov, E.L. Dubman, O.B. Leontieva**

**«ACQUISITION OF THE HOMELAND».
TO THE PROBLEM OF THE PLACE OF THE MIDDLE VOLGA
AND TRANS-VOLGA REGION IN THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN
CIVILIZATION AND STATEHOOD (FROM THE MIDDLE OF THE XVI
TO THE BEGINNING OF THE XX CENTURIES)**

Considerable experience of studying the history of the Middle Volga region let us to address a new scientific problem: complex and controversial process of «acquisition of the homeland». The planned study will be focused on the specific features of social and economic, administrative, political and cultural development of the Middle Volga region as a part of the Russian state, on the formation of the unique social and cultural character and regional identity of its population.

Key words: Middle Volga, Trans-Volga, center and periphery, inner periphery, frontier, colonization, economy, society, culture, imperial administration, historiography.

* *Kabytov Petr Serafimovich* (kabpetr@samsu.ru), *Dubman Eduard Leibovich* (dubmane@mail.ru), *Leontieva Olga Borisovna* (oleontieva@yandex.ru), the Dept. of Russian History, Samara State University, Samara, 443011, Russian Federation.